[31] Pg 89. Col. 56.
[32] Die Schriften des Johannes von Damaskos / Hrsg. P. B. Kotter. B. I. B., 1969. S. 106—107.
[33] *Loofs F.* Nestorius and his place in the history of Christian doctrine. Cambridge, 1914. P. 81—83.
[34] *Juige M.* Nestorius et la controverse nestorienne. P., 1912. P. 103—107.
[35] *Reindl H.* Der Aristotelismus bei Leontius von Byzanz. München, 1953. S. 53—55.
[36] *Junglas J. P.* Leontius von Byzanz: Studien zu seinen Schriften, Quellen und Anschauungen. Paderborn, 1908. S. 148—159.
[37] *Basdekis A.* Die Christologie des Leontius von Jerusalem: Seine Logoslehre. Münster, 1974. S. 22.
[38] *Соколов В.* Леонтий Византийский: Его жизнь и литературные труды. Сергиев Посад, 1916. С. 317.
[39] *Stickelberger H.* Substanz und Akzidenz bei Leontius von Byzanz: Die Veränderung eines philosophischen Denkmodells durch die Christologie // Theol. Ztschr. 1980. Bd. 36. S. 160.
[40] См., напр.: Евлогий Александрийский: *Helmer S.* Op. cit. S. 239.
[41] О различии этих двух форм монофиситства см.: *Jugie M.* Theologia dogmatica christianorum orientalium. P. 399—449.
[42] *Apostolopoulou G.* Die Dialektik bei Klemens von Alexandria: Ein Beitrag zur Geschichte der philosophische Methode. Frankfurt a. M., 1977. S. 7—8.
[43] *Scheffczyk L.* Die Frage nach der Hellenisierung des Christentums unter modernen Problemaspekt // München. Theol. Ztschr. 1982. Bd. 33. S. 200.
[44] *Dörrie H.* Die andere Theologie: Wie stellten die frühchristliche Theologen des 2.—4. Jahrhunderts ihren Lesern die «Griechische Weisheit» (dem Platonismus) dar? // Theol. und Philos. 1981. Bd. 56. S. 38—46.
[45] См. мою статью: Иоанн Грамматик Кесарийский: (К характеристике византийской философии в VI в.) // ВВ. 1988. Т. 49. С. 81—99.
[46] *Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. S. 71.
[47] *Van Esbroeck M.* La date et l'auteur du De Sectis attribue a Leonce de Byzance // After Chalcedon: Studies in theology and church history offered to professor Albert Van Roey for his seventieth birthday. Leuven, 1985. P. 421.
[48] *Verbeke G.* Levels of human thinking in Philoponus // After Chalcedon. P. 470.
[49] См. вступительную статью В. И. Уколовой в кн.: Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. С. 4—21.
[50] *Van Roey A.* Fragments antiariens de Jean Philopon // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1979. T. 10. P. 237.
[51] *Podskalsky G.* Op. cit. S. 102.

РУССКИЙ АЗБУКОВНИК: ГЕНЕЗИС, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

Громов М. Н.

Мудраго человека свойство есть отменять мнение.
Из Азбуковника (V, л. 127)

Важнейшим условием выработки объективных знаний о древнерусской мысли, без апологического ее восхваления и нигилистического отрицания, является непосредственная работа с первоисточниками, тщательный их текстологический анализ, расшифровка сложной семантики содержащихся в них терминов, идей, образов, концепций. Только на основе такой надежной источнико-

ведческой базы и посредством совершенной методологии исследования можно делать сколько-нибудь обоснованные выводы о характере и специфике древнерусской мудрости.

Данная публикация призвана обратить внимание на перспективный в плане историко-философского анализа памятник древнерусской письменности, введение в научный оборот которого может дать много ценных сведений о своеобразии отечественной мысли допетровского периода.

Азбуковники представляют одно из самых интересных свидетельств творческой древнерусской мысли, дающих обильный и разнообразный материал энциклопедического и философского характера. Об их широком распространении свидетельствует большое число списков различного состава и нескольких редакций, имеющихся почти в каждом хранилище древнерусских рукописей нашей страны, а также ряде зарубежных архивов. Общее число сохранившихся списков азбуковников, каждый из которых имеет уникальный, не совпадающий с другими, хотя и относимый к определенной редакции вид, насчитывает многие десятки единиц. Вместе с тем этот ценнейший источник отечественной книжной культуры является одним из наименее изученных, хотя нельзя сказать, что им не занимались вообще. Напротив, он неизменно привлекал внимание многих специалистов различного профиля, но по причине множества списков, сложного состава, многоплановой структуры, обилия терминов и цитируемых источников, переплетения отечественных и иноземных влияний, напластования многовековых традиций (начиная с византийских и древнерусских, кончая возрожденческими и новоевропейскими) до сих пор этот оригинальный русский глоссарий остается слаборазработанным и весьма актуальным для изучения.

Азбуковниками в той или иной степени занимались такие видные специалисты по древнерусской литературе и языкознанию, как Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, И. В. Ягич, П. М. Строев, Н. С. Тихонравов, И. П. Сахаров, П. К. Симони, С. К. Булич, М. И. Сухомлинов и другие дореволюционные исследователи. Им уделили внимание крупные советские ученые А. С. Орлов, В. В. Виноградов и некоторые другие специалисты. Особые исследования азбуковникам посвятили Н. И. Баталин, А. Карпов, А. В. Пруссак, М. П. Алексеев [1]. Наиболее обстоятельно и плодотворно исследованием азбуковников и близких им источников в течение многих лет занимается ведущий советский специалист по русской средневековой лексикографии Л. С. Ковтун. Ее перу принадлежат как обобщающие исследования, так и специальные статьи, посвященные анализу азбуковников [2].

Выдержки и извлечения из азбуковников встречаются во многих исследованиях и хрестоматиях. В 1849 г. впервые И. П. Сахаровым в одном из томов его популярных «Сказаний русского народа» были опубликованы соединенные вместе тексты двух азбуковников [3]. Вместе с ними помещены два кратких, извлеченных из новгородских рукописей, словаря, а также печатные «Лексикон

славенороссский» Памвы Берынды и «Лексис» Лаврентия Зизания — все они имеют отношение к азбуковникам. Эта первая публикация азбуковников была весьма несовершенна: тексты переданы неадекватно, опущен ряд статей, часть из них произвольно сокращена и т. д. Л. С. Ковтун установила, что И. П. Сахаров для публикации использовал две принадлежавшие ему рукописи, ныне хранящиеся в собрании Уварова Государственного Исторического музея (№ 2094/311 кон. XVI в. и № 2088/310 сер. XVII в.).

Первая и пока единственная научная публикация источника осуществлена в 1975 г. Л. С. Ковтун. Она опубликовала в качестве приложения к своему монографическому исследованию текст одной из ранних кратких редакций Азбуковника по рукописи конца XVI в. Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (МДА, № 173/35), включающей 759 толкований [4]. Добавленные скорописью на полях рукописи 319 статей более позднего времени в книгу не вошли. Отсутствие публикаций различных редакций азбуковников является серьезным препятствием для их широкого изучения специалистами разного профиля. Тем актуальнее непосредственное изучение подлинных списков азбуковников, общее число которых составляет не менее 150—200 единиц только в отечественных хранилищах.

История создания азбуковников прослежена Л. С. Ковтун [5]. Азбуковникам предшествовали четыре направления в развитии древнерусской лексикографии: 1) словари — ономастиконы, объяснявшие имена и топонимы почитаемых текстов, так называемая onomastica sacra; 2) словари символики (прúточники), истолковывавшие многозначные образы, символы и притчи, которыми так обильно были насыщены древние и средневековые книги, в частности Псалтырь; 3) славяно-русские словари, возникшие как комментарий к переведенным текстам с отвлеченной лексикой (прежде всего к «Лествице» Иоанна Лествичника), имевшие характерное название «Толкование неудобь познаваемом речем»; 4) словари-разговорники, содержавшие переводы греческих, латинских, польских, немецких, тюркских и иных слов и выражений.

Азбуковники сформировались в особый тип рукописной книги к концу XVI в. Они объединили книжные традиции толкования темных мест почитаемой литературы, впитали в себя обороты живого разговорного языка, отразили накопленные за века сведения и зафиксировали уровень знаний своего времени. Не вытеснив полностью предшествовавшие им словари и толковники разного вида, они стали доминирующим типом универсального словаря и краткой энциклопедии, объединенных вместе и обогащенных самыми разнообразными приложениями и добавлениями. Выделяются следующие этапы развития азбуковников. Наиболее ранние (XVI в.) насчитывают до 1000 словарных статей, затем появляются с объемом до 2 с лишним тыс. статей, а пространные XVII в. содержат до 5,5 тыс. и более статей. Следует, правда, заметить,

что под статьями в данном случае подразумеваются толкования лексем, имеющие разный объем — от одного слова до нескольких страниц, чаще же всего занимающие 1—5 строк.

Большинство списков азбуковников относится ко второй половине XVII—началу XVIII в. Логично предположить, что это был период их наибольшего распространения. В XVIII в. они начинают вытесняться специализированными печатными изданиями, в основном переводимыми с западноевропейских языков, но сохраняют в народной среде значение мудрых книг прошлого. В связи с широким распространением азбуковников необходимо заметить, что в описаниях и каталогах нередко путают азбуковники как лексикографические сборники с так называемыми школьными азбуковниками, имеющими совершенно иной состав [6]. Отмечено и «ошибочное употребление термина „азбуковник" в качестве общего наименования для всех старинных словарей, даже неалфавитных» [7]. Поскольку упорядочение материала рукописных книг по алфавитному принципу было весьма распространено, то порою встречаются и такие сборники, как названная «азбуковником особого состава» рукопись ГИМ, Вахрамеева, № 520, XVII в., содержащая наряду с кратким алфавитом на л. 1—15 любопытную подборку сентенций, расположенных по азбучному принципу на л. 15 об.—46 (например, читаем на л. 23 об.: «Злое злым возмездие творимо», «Звезда суть и солнцо, но днем обладает», «Злообразие страшащее и младенцы»). Одним словом, вопросы атрибуции азбуковников и относимых к ним памятников требуют своего дальнейшего разрешения.

Азбуковники отличаются не только сводным характером, но и многоплановостью заключенного в них материала и сочетанием различных способов его интерпретации. Фиксация объективных знаний о природе, сакральное их истолкование, наличие элементов мифологии, философско-символическая экзегеза, рецепты приготовления смесей, таблицы тайнописи, красочные иллюстрации — все это встречается в азбуковниках, придавая им столь присущие средневековой книжности синкретизм и многофункциональность, которые позволяли использовать энциклопедические сборники времен господства донаучного мышления и недифференцированного еще знания «как бы взамен целой библиотеки разных произведений» [8].

Создание азбуковников как универсальных энциклопедических словарей не было чисто русским явлением. Академик М. П. Алексеев отмечает эту же культурно-просветительскую тенденцию в западноевропейской литературе XVI—XVII вв.[9] В Италии, Германии, Англии создается несколько типов словарей сводного характера с объяснением трудных слов и выражений из разных языков. Показательна в этом плане деятельность швейцарского лексикографа Конрада Геснера (1516—1565), оказавшего влияние на развитие славянского языкознания [10]. В 1555 г. он издал в Базеле «Митридат, или Наблюдения над различными языками, как древними, так и новыми, употребляемыми ныне у различных

народов земного шара» [11]. Среди сведений о примерно 130 языках есть и данные о «московитском» языке. «Митридат» не только типологически сопоставим с древнерусскими словарями; по мнению М. П. Алексеева, «некоторые приводимые в „Митридате" слова порою попадаются в наших азбуковниках с теми же обозначениями своего происхождения» [12], что указывает на него, как на один из возможных источников русских азбуковников.

Отмечая сходство азбуковников с современными им лексикографическими трудами западноевропейского происхождения, необходимо отметить, что они в силу отставания России в сфере социального и культурного прогресса заметно уступают наиболее фундаментальным творениям новоевропейской науки о языке. В частности, число языков, из которых взяты термины и выражения, не превышает двух с половиной десятков. М. И. Сухомлинов отмечает Азбуковник с характерным названием «Алфавит книга премудрая, имея в себе 24 язык» [13]. Редкий источник имеет большее число указываемых языков. К их числу принадлежит, например, Азбуковник из Соловецкого собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина № 21/21, в котором указаны 25 языков, в том числе «руски» и «словенски» (VI, л. 3 об.)

Обычно в предисловиях азбуковников указываются иностранные языки, из которых взяты объясняемые слова и выражения. Иногда над переводимыми словами кратко обозначается киноварью язык оригинала, если он известен составителю, но чаще этого обозначения нет. Приведем перечень языков с краткими их обозначениями в скобках по одной из рукописей из того же Соловецкого собрания: «. . .арапски (а), арменски (ар), гречески (г), еврейски (ев), египетски (еги), еллински (елл), ефиопъски (ефи), евхаитски (ев), жидовски (жи), иверски (иви), латынски (ла), литовъски (ли), македонски (ма), мидонски (ми), пермьски (пер), римски (ри), сербски (се), сиръски (сир), скифъски (ски), татарски (та), чешски (чес)» (I, л. 12). Как видим, в данном перечне фигурирует 21 язык, часть из которых трудна для определения.

Нельзя не обратить внимание на связь азбуковников с современными им западнорусскими печатными лексикографическими трудами [14]: «Лексисом» Лаврентия Зизания, изданным в Вильно в 1596 г., и «Лексиконом» Памвы Берынды, издававшемся в 1627 г. в Киеве и в 1653 г. в Кутеине [15]. Зизаний и Берында, очевидно, имели в руках списки ранних редакций азбуковников или близких им текстов; сравнительный анализ показывает совпадение некоторых терминов и их объяснений [16]. Что касается составителей азбуковников, то многие из них широко пользовались печатными словарями, иногда включая целые их фрагменты и указывая на них как на источник заимствования.

Например, в Азбуковнике из Щукинского собрания № 555 имеется следующее толкование: «Стакта есть во Аравии некое древо, нарицаемо змирна, из него же течет сок благоуханен, нарицаемый стакта. Сице о сем в грамматичном алфавите Лаврен-

тий Зизаний написа. А во Псалтыри змирно толкуется — неистление, а стакти толкуется — заря» (XXII, л. 199 об.). У Зизания находим краткое эмпирическое объяснение: «Смирно есть некое дерево во Аравии, с котораго запашный сок течет стакти называемый» [17]. Составители Азбуковника дают более пространную информацию, дополняют заимствованное толкование собственными комментариями и символической интерпретацией, а также помещают на полях глоссу с указанием текста, где встречается данный термин (псалом 44 из Псалтыри).

Важной проблемой является вопрос об авторстве азбуковников. В них содержится много указаний на почитаемые авторитеты, на древних и средневековых авторов, но себя составители, к сожалению, не называют. В этом проявился характерный для средневековья литературный этикет, не позволявший авторам, а тем более компиляторам и переписчикам выставлять напоказ свое имя [18]. Азбуковники, несомненно, были продуктом коллективного творчества. Возможно, со временем удастся выявить ряд книжников, имевших отношение к их созданию. Пока представляется бесспорным влияние на формирование азбуковников филологической практики Максима Грека, который «не был составителем того или иного азбуковника, но он может быть назван в числе главных создателей этого жанра, так как определил в очень существенных чертах процессы его сложения» [19]. Максим Грек составил «Толкование именам по алфавиту», вошедшее в состав пространных азбуковников и «Лексикона» Берынды.

Ссылки на афонца постоянно встречаются в азбуковниках, иногда в их состав включаются сказания о его жизни и творчестве (XIX, л. 1—14 об.), а в предисловии по многим спискам среди «истинных рачителей премудрости» больше всех выделяется имя «премудраго философа Святыя горы инока Максима Грека» (XII, л. 3). Один из азбуковников даже носит симптоматичное название: «Книга, глаголемая лексис, сиречь недоведомыя речи, превод Максима Грека от иноверных на русский язык право» (XVII, л. 1). Выступавший как «филолог и философ, пьющий из всех источников» [20], прошедший практику у таких итальянских издателей, как Альд Мануций, общавшийся с лучшими умами из окружения Марсилио Фичино при Academia Platonica во Флоренции [21], Максим стал на Руси признанным авторитетом в области философско-богословской экзегезы, непревзойденным мастером филологически отточенного перевода и толкования текстов.

Из наблюдений над списками азбуковников различных редакций можно выделить некоторые о них сведения. Отметим прежде всего различные названия данного памятника: «Азбуковник», «Азбука», «Азбукы», «Азведи», «Алфавит», «Алфавит азбучной», «Алфавит иностранных речей», «Алфавит письменной», «Алфавит толковый», «Буквы», «Лексис», «Сказание», «Толкование речем неудобразсудным» и др. Заглавия азбуковников имеют, как правило, пространный характер. Приведем некоторые характерные названия, в которых проявилось творческое участие и своеобраз-

ное понимание их составителей: «Книга, глаголемая Аз и буки, еже о како во святых книгах каяждо пословица писати и глаголати» (XVII, л. 8); «Книга, глаголемая Алфавит, содержащий в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах, не преложены на русский язык» (I, л. 13). Иногда встречаются подзаголовки, раскрывающие назначение — «ради познания» — этих энциклопедических словарей: «Сия ко вразумлению выписано из книги Алфавита писменнаго вкратце ради познания, яже во святых книгах писаны иноязычныя и иностраныя речи» (V, л. 1).

По своей структуре азбуковники пространных редакций состоят из вводной части, собственно словаря и приложения. В вводной части помещаются: предисловия, разъясняющие характер и назначение книги; оглавления содержащихся в основной части статей; различные статьи общего характера — сказания о составлении славянской азбуки, извлечения из Иоанна Дамаскина, из летописей, из Хронографа; грамматические заметки; стихотворные обращения к читателям; алфавиты (например, в Сол. 18/18, на л. 43—48 расположена польская, греческая, еврейская, немецкая, латинская, пермская, русская и другие азбуки и иные материалы).

В основной части содержится текст словаря, разбитый по буквам с многочисленными, иногда пространными, вставками. Порой составители помещают два, три и более алфавитных словаря в основную часть. Л. С. Ковтун в составе обширного лексикографического свода, помещенного в списке с «Лествицей» (Сол., 302/332, XVII в.), насчитала пять азбучных лексиконов.

Наиболее разнообразный характер носят приложения. Иногда они невелики, но порой достигают весьма внушительных размеров, превосходя основную часть вдвое, а то и втрое и даже более. А. Карпов описал несколько таких азбуковников, из которых особенно выделяются списки Сол. 16/16, XVII в. и Сол. 20/20, XVII в. В последнем основная часть занимает л. 2—129, а приложение — л. 177—582. В таких пространных приложениях содержится масса самых разнообразных, важных, с точки зрения составителя, сведений по грамматике, этике, натурфилософии, истории, мифологии, библиографии, почерпнутых из многих источников. Крайне редко, но встречаются азбуковники без приложения (см. IX).

Помимо теоретических рассуждений и описательной информации в азбуковниках порой содержатся практические рекомендации и прикладные пособия. Например, в списке Тихонр. 338 сер. XVII в. на последних листах рукописи помещены статьи : «О стекольном письме», «Как писати красками», «О киновари», «О киноварном творении», «О составлении чернил» и лунный подвижной календарь с вращающимися частями, выписанный черными, зелеными и красными чернилами (XIV, л. 333—334).

Основной текст распределен по буквам славянского алфавита от «аза» до «юсов» и «ижицы» с добавлением, но не всегда, статей на греческие буквы «кси», «пси», «омегу» и др. Для удобства

пользования буквы в заглавии разделов, первые буквы толкуемых слов, целые заголовки, иногда имена авторов и другие элементы акцентируемой информации выделяются шрифтом, использованием чернил иного цвета (красного в тексте с черным и черного в тексте с красным), декоративным оформлением. Но как термины, так и их истолкования не выделяются в столбцы, а идут сплошным текстом по строкам.

Слова, начинающиеся с одной буквы, расположены не в строгом соответствии с алфавитным принципом по порядку всех букв в слове. Они чаще группируются по тематическому принципу: имена, части человеческого тела, названия книг и т. п. Но иногда используется алфавитное распределение слов по первой гласной. Например, в Азбуковнике Тихонрав. I помещены в верхних частях листов в красивом лирообразном орнаменте указатели типа «ба», «бе», «би» и т. д.

Встречающиеся в тексте пространные статьи, как правило, имеют название и указание на автора, обычно выделяемое киноварью. Например, статья о радуге в списке Унд. № 978 имеет заглавие «Святаго Генадия патриарха Констянтина града о дузе небеснои яко подобие есть» (XVII, л. 38 об.). Часты глоссы на полях, указывающие в сокращенном написании источники: «Александрия», «Лествица», «Деяния апостольские», «Цепь златая», сочинения Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Козьмы Индикоплова и многих иных авторов. Встречаются ссылки и на печатные издания. В азбуковнике Рум. № 2 на л. 81 об. объясняется греческое слово «икономах» (иконоборец) и дается глосса с указанием на печатное издание «Поучительных слов» Кирилла Иерусалимского, изданных в Москве в 1644 г.

Азбуковники содержат, хотя и не часто, схемы, таблицы, рисунки, портретные изображения (например, Максима Грека) и иной иллюстративный материал, разнообразящий текст и выделяющий информацию различного плана. В списке Тих. 338 на л. 72 циркулем вычерчена схема в виде большого круга, в который вписаны семь малых — один в центре и шесть симметрично вокруг него. Это круговая схема человеческой жизни, разбитой на 7 возрастов согласно древней античной традиции. В рукописи Сол. 16/16 на л. 95—96 помещена прямоугольно расчерченная таблица тайнописи. В Азбуковнике Рум. № 2 на л. 65 об. приводится рисунок ефуда, ризы первосвященника Иерусалимского храма с изображением на нем двенадцати драгоценных камней по бокам и адаманта в центре. Данный рисунок служил иллюстрацией к «Сказанию о 12 камнях» Епифания Кипрского. Встречаются рисунки голгофского креста, трех звезд на омофоре Богоматери и другие сакральные изображения. Прекрасный рисунок древнееврейского музыкального инструмента псалтыри, который дал название одной из самых популярных книг Библии, имевшей многозначную символику, приводится в рукописи Муз. 2653 на л. 55. Этот образ имел также натурфилософский и антропологический смысл.

Для более полного представления об азбуковниках как универсальных словарях необходимо сказать несколько слов об их внешнем оформлении. По формату они различны: от скромных, карманного размера в 1/8 листа до внушительных in folio с крепкими, украшенными тисненой кожей переплетами. Объем колеблется примерно от ста до шестисот листов. Писаны полууставом и скорописью. Текст, как правило, хорошо читается, графически расположен удобно. Азбуковники, особенно крупного формата, часто украшены красочными заставками, инициалами, затейливой вязью, орнаментами. Они имеют не только познавательную, но и эстетическую ценность. В качестве примера можно привести прекрасный экземпляр Пог. 1145, рассматривать и изучать который нельзя без восхищения перед мастерами, его создавшими.

Заканчивая рассмотрение структуры и состава азбуковников, следует подчеркнуть, что они, особенно в пространных редакциях, имели характер *открытой книги*, непрестанно дополнявшейся новым материалом. В них нередко оставляли чистые страницы, позднее заполнявшиеся. Встречаются приклеенные, вставленные позднее листы. Многими писцами в течение нескольких десятилетий, а порой и веков, листы азбуковников испещрялись глоссами, вставками, исправлениями. Это подлинные памятники энциклопедической мысли и коллективного творчества древнерусских книжников [22].

Перейдем к рассмотрению содержания азбуковников, не различая редакций и времени создания отдельных памятников. Подобное обобщенное рассмотрение позволит создать предварительное представление об азбуковниках в целом. Наиболее интересны в смысле разнообразия и обширности материала поздние пространные списки, в которых возрастают элементы энциклопедизма. А. Карпов, описавший девять азбуковников Соловецкого собрания, выделил в них соответственно содержанию две части: лексикографическую и литературную. В первую он включил сведения по языковедению и грамматике, во вторую — по философии, библиографии, истории, мифологии, символике, географии, этнографии, минералогии, ботанике, зоологии, орнитологии, ихтиологии [23]. Деление это весьма условно и требует уточнения.

Сведения по различным областям знания, содержащиеся в азбуковниках, настолько обширны, разнообразны и многоплановы, что в пределах предлагаемой статьи можно лишь отметить некоторые, наиболее характерные их особенности.

Ядром азбуковников являются статьи, комментарии и извлечения лексикографического плана. Интересен список Сол. 20/20. В нем на л. 10—11 об. приводится 48 терминов с корнем «благ», подробно объясняемых. Например, «благодеяние» трактуется как «приязнь, чистота, боязнь, разсмотрение, опасение». Указывается не только смысл, но и нормы написания терминов. На л. 24 об. слово «ве́дение» объясняется как «познание, сведомость, разуменье, ведомость, знаемость, размышление» и даются две формы его написания: «веденье» и «ведание». На л. 17 истолковывается

выражение «веществуя невещественное» — «воображая безплотное начертанием писменым». На л. 39 об. приводится различие между словами «житие» и «жизнь»: «Житие нарицается поведение, еже какова кто отца, и коего града, и коего племени, и коея веры бе. Жизнь же нарицается сказание, еже как кто Богови угодил, коими подвиги, и коими труды жизнь сию препроводи, и коими добродетелми сияше». На л. 76 термины «Образ, фигура, воображенье» дополнены глоссой на полях «форма, ишталт, приклад». Здесь же приводятся производные от них глаголы: «Образую, творю, формую, ишталтую». Любопытно использование немецкого термина Gestalt (форма, образ, вид) и образование от него глагола «ишталтую» (возможно, через польское «kształtuje» или украинское «кшталтую» с тем же значением).

Кроме отдельно встречаемых синонимичных терминов в азбуковниках приводятся специальные словари синонимов — *произвольники*. Например, в списке Пог. 1145 на л. 176—178 приведены произвольники к отдельным библейским книгам, даются синонимы не только нарицательных существительных («бездна — вода», «пепел пещной — сажа», но и имен собственных («Скиндыре — Александрея», «Хорив — Синай»). Вместе с тем разделяются разные значения одного и того же термина. Например, в списке Тих. I на л. 271 слово «пята» толкуется трояко: «пята есть дверей и пята ноги человечи, и пята — отай творимый ков на ближняго».

Объяснение терминов в азбуковниках имеет не только грамматическое значение — оно гораздо шире. Многие толкуемые понятия и выражения носят общетеоретический, философский смысл. Их усвоение способствовало развитию мышления, стимулировало познание мира, расширяло общий кругозор русских людей допетровского времени.

В списке Писк. 197 находим встречающиеся и в других рукописях понятия: «материя — естества» (л. 94) и «пнеума дух» (л. 122 об.); оба с пометкой над ними киноварью «греч» (греческий), что ошибочно по отношению к латинскому materia, но правильно — к греческому πνεῦμα. Встречается и латинский термин «спиритус» с тем же значением (XXVI, л. 181). Перечислим другие столь же важные понятия: «бытие» («есть еже от Бога первое сотворение», — XVIII, л. 23); «омусия» («единосущество» — там же, л. 78 об.); «существо» («вещь самобытна, никого же иного требуя на свое составление» — XIII, л. 6); «собство» («мемсто особно или отделение вещи от вещи» — XIII, л. 291 об.); «гомо» («человек» — XIII, л. 107); «гносис» — («ум» — XIII, л. 107 об.); «пан» (греч. «всякое» — XII, л. 122); «предел» («урок, яко же бы рекл кто кому: до сего доидеши и дале да не преидеши» — XII, л. 121 об.); «рожение или порожение» (рожение от человек плотьски, а порожение от Бога духовне еже во крещении Святым Духом бываемо» — XII, л. 126); «фарсификаре» («фрязски» — итальян. — «ложно творит» — XII, л. 141 об); «догмата» («уставы... опрочь зри: веление, учение, сказание» — V, л. 32);

«довод» («указание» — V, л. 32); «мечтание» («облуда, мара, сон, прелесть, тма, видение лживое, искус» — V, л. 63); «мнение» («мнеманье, подозренье, донеманье... непщевание, или разумение» — V, л. 66 об.).

Азбуковник Сол. 20/20, из которого приведены последние примеры, изобилует не только истолкованием терминов, но и, что весьма ценно, их синонимами, встречающимися в текстах и основанными отчасти на заимствованных из иных языков понятиях. Этот своеобразный толково-синонимический словарь дает хорошее представление о разнообразии и богатстве отвлеченной лексики XVII в. Приведем еще несколько примеров из него: «Малодушествие, или малодушие, несмелость, боязнь, ниский умысл, стыдливость, утраченный умысл, мдлость, обумренье, омдленье» (л. 62); «неопределенное существо... толк: не могущее само от себе разделитися, неразделена бо есть Святая Троица Божественная, ниже слитна» (л. 70 об); «Непостижимый, недостигненый, недогоненый — егда испытован и взыскан: непостижен будет от ищущих его» (л. 71 об., со ссылкой на «Небеса» Иоанна Дамаскина, слово 2-е).

На формирование словарного фонда азбуковников оказали влияние славянские и западноевропейские языки. Например, украинское «бачение» объясняется как «размышление во уме о деле коем» (XIII, л. 60 об.); польское «доскональный» — как «совершенный и полный» (XIII, л. 120 об.). Заслуживает внимания пространное объяснение латинского термина «квалитатес» (qualitates — качества); «качество, яко же бы кто вопросил бы, каков человек в лице, черн или бел, или стар или млад, смертное и безсмертное, и прочая; се есть качество и в древесех, и в каменех, и в прочих вещех» (XV, л. 79—79 об.).

Лексикографические сведения дают много ценной информации для понимания древнерусских знаний о мире и человеке. Но чтобы представить их в виде целостной системы, необходимо учесть признанные в средние века классификации наук. В византийской и древнерусской культурах основополагающей являлась схема, основанная на античной традиции и сформулированная Иоанном Дамаскином в «Философских главах» его фундаментального трактата «Источник знания» (πηγή νώσεως) [24]. Согласно схеме Дамаскина, философия, охватывающая все отрасли знания, делится на теоретическую, включающую богословие, физику, математику, и практическую, содержащую этику, экономику, политику [25].

В Азбуковнике Сол. 16/16 есть весьма интересная статья под выделенным киноварью названием «О философии внимай разумно, да не погрешиши». В ней излагаются представления о философии, дополненные по сравнению со взглядами Дамаскина; там же содержится его классификация наук: «разделяется же ся философия в зрительное и деятельное. Зрительное же — в богословное и естественое и учительное. Деятельное же во обычайное, домостроительное, градное» (л. 337 об.).

Схема Иоанна Дамаскина, принятая на православном Востоке, приходила в соприкосновение с принятой на католическом и лютеранском Западе схемой семи свободных искусств и наук (septem artes liberales включали trivium — грамматику, риторику, диалектику и quadrivium — арифметику, геометрию, астрономию, музыку). Пока по спискам азбуковников встретить в полном виде западную схему наук не удалось, но все ее элементы присутствуют в них. Есть определения геометрии, математики, грамматики, арифметики, риторики, музыки. Логика называлась в средние века также диалектикой. Двоякое обозначение этой науки о мышлении отмечается в некоторых списках: «Логика, диалектика — росказ, беседование или истинных и ложных разсуждение» (V, л. 59). Со ссылкой на Максима Грека в Азбуковнике Щук. 152 дается раздельное толкование астрологии и астрономии, а также их представителей: «Астра бо по гречески — звезда, а логос — слово. Астрология — звездословие. Астрономия — звездозаконие. Астрия бо звезды по еллиньски, а номос — закон. Астролози — звездословцы. Астрономи — звездозаконницы» (л. 45 об.). Квалификация латинского термина astra как греческого отражает доминирующую традицию византийской лексической системы. Иногда четыре науки, представлявшие квадривиум и использовавшиеся в астрологических книгах, назывались ложными, отреченными и собирательно «мафиматийскими». Например, в списке Щук. 151 на л. 179 об.—181 об. содержится статья против астрологии, где (несколько искаженно) объясняются эти принятые за ложные науки: «Мафитикийския книги. Толк: отреченныя книги; их же есть четыре: арфиматикии, мусикии, гиометрии, астрономия». Ложными их считали за связь с мантикой и астрологией.

Кроме определения классических наук встречаются в азбуковниках истолкования и других отраслей знания. Показательны в этом плане интереснейшие определения терминов «история» и «историк», наличествующие в уже отмеченном своим ценным содержанием списке Сол. 20/20: «Историа — свидетель всех веков или деаний, истинное описание прошлых речей. . . Историограф, или историк. Толк: поведатель деяний, бывших в первых родех и временех» (т. е. в прошедших поколениях и временах — л. 47—47 об.).

Что касается философии, то она понималась и как система наук в целом, и как особая отрасль знания. Краткие определения терминов «философия» и «философ» как «любомудрие» и «любомудрец» (или соответственно «мудролюбие» и «мудролюбец») встречаются почти во всех азбуковниках с рядом вариаций и дополнений. Например: «Философ. . . — любомудрец, мудрый, прилежай в мудрости, мудролюбец» (IV, л. 450).

Кроме шести определений философии, принадлежащих Дамаскину, встречается истолкование, приписываемое славянскому первоучителю Константину-Кириллу, прозванному Философом [26].

Последнее определение (в расширенной русской редакции) включено во фрагмент с устойчивым содержанием, начинающийся словами: «Блаженный Константин Философ вопрошен быв от (с)холастика логофета Варасихия Киарта, что есть философия, отвеща и рече ему...» В этом фрагменте содержатся объяснение ряда терминов, указание на сочинения Аристотеля и Платона, которыми каждый философ может «философство твердо разумно держати, и словеса и речы украсити и составляти, и книги своя составляти». Заканчивается фрагмент мыслью Дамаскина о пользе языческой мудрости, из которой можно с умом взять немало ценного: «Аще кто что и от внешних мудрецов приобрести может, не отметно есть» (I, л. 8—9).

В азбуковниках имеются краткие, чаще всего стереотипные сведения об античных философах (Платоне, Пифагоре, Аристотеле, Анаксагоре, Эпикуре) и принимаемых за философов в широком смысле этого слова ораторах, поэтах, писателях, ученых (Демосфене, Вергилии, Еврипиде, Гиппократе). По античной легенде создатель грамматики Прометей также почитался за философа: «Премифеус — еллинскии бе философ во дни Исуса Наввина, иже грамматикийскую философию древних лет уведав» (XII, л. 117).

Любопытно упоминание о Демокрите, имя которого сближалось с понятием демократии: «Димокрот. Толк: во еллинех древле философ нъкин Димокрит именуем. Толкуется же ся Димократ — народоначалник или староста. Димократия. Толк: народовладение» (XIII, л. 115 об.). Вообще же весьма присущее произведениям древнерусской литературы в целом и азбуковникам в частности удивительное сочетание серьезности и наивности, подлинных знаний и фантастических представлений придает им неповторимое своеобразие и особый колорит. Они одновременно обладают особенностями и литературных сочинений, и научных трактатов, и богословских интерпретаций, и философских обобщений.

Сведения о философии в азбуковниках частично приводит А. Карпов, считая, что они «очень кратки и редки» [27]. В действительности они более обширны, если сюда включить истолкование терминов отвлеченной лексики, символов, образов, афоризмов и иной информации. Во многих списках приводятся сказания об образе Софии Премудрости, представляющей не аналитическое, а художественно-пластическое выражение мудрости; символически истолковываются драгоценные камни, животные, растения, части человеческого тела; объясняется глубокий смысл иконографических сюжетов, например изображение космоса в виде ветхого старца и т. д. Многозначной символической интерпретации подвергались почитаемые тексты. «Можно без преувеличения сказать, что вся интеллектуальная культура средних веков экзегетична» [28], и это нашло свое отражение в азбуковниках, которые в данном отношении пока мало изучены, хотя у Карпова и есть, например, раздел по символике [29].

Перейдем к рассмотрению имеющихся в азбуковниках знаний о природе и натурфилософской их интерпретации. Термин «мир», как и в современном русском языке, толкуется двояко: «вселенная» и «отсутствие войны». В списке Унд. 978 со ссылкой на Максима Грека приводится истолкование двух греческих терминов: κόσμος и ειρήνη. «Космос. Толк: 'мир, рекше миростии человецы или вся тварь, еже есть видимый мир и невидимый» (л. 58 об.); «Иринис. Толк: мир, еже бо другу со другом мирно пребывати, таковни бо любовный мир, по гречески наричется иринис» (л. 51 об.). Есть и понятие о Вселенной: «Вселенная. Толк: весь свет» (л. 26 об.).

В азбуковниках, где больше, где меньше, объясняется античное учение о стихиях, или элементах, классически сформулированное Эмпедоклом. В том же списке на л. 92 об есть краткая статья о четырех первоэлементах бытия: «Стихия. Толк: Вещи или составы. Четыре суть стихий. 1-я — воздух, 2-я — вода, 3-я — пе(р)сть, 4-я — огнь. Воздух ражает воду, вода ражает персть, от персти ражается огнь... И та стихия разумети могут зодия и планиты». Сведения о стихиях приводятся в основном по «Источнику знания» Дамаскина.

Термин «земля» объясняется исходя из значения соответствующих слов греческого и еврейского языков. «Земля по ельлински хайя, по гречески гипа, еврейски адамос, сего ради и рожденнаго от нея наричают Адам» (XXVI, л. 67—67 об.). Встречается и латинский термин «терра» — terra. Например, в списке Муз. 3173 писец зачеркнул две первые буквы в неправильном написании «мерра — земля» и проставил сверху «те» (л. 81 об.). Подобная правка, уточнение, дополнение часты в азбуковниках.

В азбуковниках встречается много естественнонаучных терминов: «недра» («лоно»), «эхо» («шум аера»), «ртуть» («водное серебро») и т. д. Некоторые из природных явлений объясняются вполне научно. Например, «магнит» (очевидно, минерал — магнитный железняк) трактуется как «камень есть тако именуем; имать же естество — железо к себе привлачити» (XVI, л. 114). То же можно сказать о слове «смерч», объясняемом таким образом: «Смерчь небесный. Толк: облак дождевный, иже взимает в себе от моря воду аки в губу и возъшед на высоту, паки испущает ю́ на землю» (XIII, л. 283 об.). Различаются «дендра» — «дерево, на корени стоящее» и «ксилос» — срубленное дерево, дерево как материал.

Показательно, что в азбуковниках интерпретируются не только вещи, но и процессы. Весьма ценно в этом плане истолкование терминов «растворение» и «размешение» по списку Тих. I: «Растворение. Толк: растворение нарицается смешение слитно и по смешении неразделително, яко же воде смешеныя с вином. Размешение. Толк: нарицается по еже что с чим совокупившися, может паки разлучитися, яко же зерно пшенично сь ячменным совокупляют бо ся си не слитно. И от сею обою разумей, яко ино есть разстворение, и оно есть размешение» (л. 272 об.).

По средневековой тенденции к морально-назидательной интерпретации природных явлений, растений, животных в некоторых списках помещены символические истолкования. Очень интересна приписка неизвестного автора, которую он сделал киноварью, чтобы выделить свою мысль. К объяснению волны («Говор водный. Волна морская или пузырь водный») на полях добавлено: «Иже ветром воздута, велика является, приразившися к камени, в пены расходится, тако и богатыи высокосердием и гордостию возносящеся, нашедши же — смерти» (XII, л. 24 об.). Здесь проступают и социальная неприязнь к богатство имущим, и мудрая идея о тщетности стремления к земным сокровищам, которыми гордятся недалекие их обладатели, и мысль о кратковременности земного существования. Подобные маргинальные глоссы несут ценнейшую информацию, они свидетельствуют о творческом участии составителей и переписчиков азбуковников. Они же напоминают о внимательном изучении рукописных источников, каждый из которых уникален.

Колоритно и близко к живому народному мироощущению аллегорическое изображение времен года. Осень отсчитывается от церковного праздника Зачатия Иоанна Предтечи (23 сентября ст. ст.): «Отселе начинается осень. Осень есть подобна жене стареи и богатеи, и многочадеи. Овогда дряхлующи и сетующи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда скудость плодов земных и глад человеком, а иногда веселящися, рекше ведрена и обилна плодом всем, и тиха, и безмятежна. . .». Зима (с Рождества Христова — 25 декабря) сравнивается со злой мачехой, которая «знобит и гладом морит». Весна (с Благовещенья — 25 марта) уподобляется цветущей юной деве, которая всеми любима, «радости и веселия исполнена». Если три предыдущих сезона с названиями женского рода олицетворены соответственно женскими аллегориями, то лето (с Рождества Иоанна Предтечи — 24 июня) представлено мужским образом рачительного и трудолюбивого хозяина, пекущегося о благе многих людей: «Лето нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки, смотря и пекися о своем дому и любя дело прилежно. Присно без лености воставая заутра и до вечера делая без покоя — таков есть муж лето» (III, л. 167—167 об.).

Подобные представления нашли отражение и в изобразительном искусстве.

Весьма содержательны, наполнены символическим смыслом и философской интерпретацией сведения по антропологии, которые согласно средневековой семантике служили своего рода «мостом между чувственным опытом и тем, что лежит по ту сторону» [30]. Символизация выступает в средние века как своеобразный заместитель научного, теоретического мышления, призванный обозначить скрытый, метафизический (как в смысле «философский», так и «стоящий за внешней оболочкой физически ощущаемых феноменов материального мира») смысл эмпирических явлений [31].

Говорится в азбуковниках о теле и душе, о страстях, о составлении человека из 8 частей, о трех видах рождения, о пяти чувствах душевных и телесных, о различии между животными, человеком и ангелами и многое другое. Есть специальная рубрика «О составех человеческих», содержащая такие, например, понятия: «Гомо — человек», «геронда — старец», «гносис — ум», «артирии — жилы». Согласно античному учению, классически изложенному еще Платоном, выделяются три части души — разумная, чувственная и волевая. Нередко встречаются термины, принятые в современной науке: «вита» («жизнь»), «аффекты» («похоти»), «анима» («душа»), «психос» («душа»). Часты объяснения психологических понятий: «лицемерие», «самолюбие», «смиреномудрие», «тщеславие», «кичение» и др.

Перейдем к рассмотрению информации социального характера. В азбуковниках много понятий, выражающих власть, государство, сословные отношения. О понятии демократии говорилось выше. Есть и противоположное — о диктаторе — «единовластец или самодержец» (XXVI, л. 41); встречается также «У(м)ператор. Толк: «самодержец» (XVIII, л. 103). Об украинском влиянии говорит слово «рада» («соньмище или совет»); о западноевропейском — «ратуша» («разбойный приказ»); оба примера из текста Тих. I, л. 272. Есть и термины восточного происхождения: «Баскаки — по татарски, а по руски — на приказ посылаемыя по градом а по селом дворяне царския» (V, л. 9). Встречаются принятые и ныне интернациональные понятия: «Митрополи. Толк: матери градовом» (XIII, л. 70); «Милисие. Толк: воинство» (XIII, л. 73): «Адвокатос — заступник» (XII, л. 7 об.); «Зенерал... назиратель иноческаго чина над многими монастыри и над игуменами» (IV, л. 214). Разумеется, содержание этих понятий не во всем совпадает с современным. Например, «зенерал» (аналогичное — «генерал») заимствовано из сочинения Максима Грека об устройстве католических монастырей. Важно то, что они вводились в русскую лексику уже в XVI—XVII вв., а то и ранее.

Много в азбуковниках понятий общекультурного содержания, усвоение которых было весьма важно в цивилизаторском отношении. Перечислим некоторые из них: «Схолия — училище. Схолар — ученик. Схоластик — учитель или философ» (XXVI, л. 176 об.); «Апология — ответ») (XIII, л. 50); «Базис — место, иже под столпом» (XIII, л. 61 об.); «Ваятель — резец по дереву или по камени» (XIII, л. 68 об.); «Автор — работник» (XXVI, л. 12); «Вивлиотека — книжный дом» (XXVI, л. 28 об.); «Каталогос. Толк: каталоги от ката, что есть краткой; логос, иже есть слово. Речется: много кратка приемлющи» (XXVI, л. 28 об.); «Кодекс. Толк: книга, содержащия в себя разныя книги» (XXVI, л. 28 об.); «Метаморфозис. Толк: преображение» (XVIII, л. 71); «Мим. Толк: скоморох» (XVIII, л. 71); «Зотчий — здатель или делатель храминам. Здание — соделание (XXVI, л. 67 об); «Живописец — изящный иконописец» (XVI, л. 67); «Литера. Толк: ключевое или азбучное словцо» (XVI, л. 109); «Архитип. Толк: начальнии

образ. . . Архитектура. Толк: мастерство или учение около здания» (XI, л. 4 об.). В текстах объясняется множество интереснейших общечеловеческих культурных названий и понятий: Парфенон, Акрополь, Капитолий, имен античных богов и муз, выражений, связанных с творчеством и познанием.

Интересно различение «художества» как ремесла и «хитрости», как интеллектуального умения. Со ссылкой на Иоанна Дамаскина объясняется: «Художество и хитрость. . . Ино есть, и ино. Художество — всякое рукоделное умение. Хитрост же нарицается грамматика, и риторика, и философиа, и прочее таковая» [V, л. 121). Под «хитростью» понимался и высокий уровень овладения ремеслом, своеобразное искусство мастерства, что видно из такого истолкования: «Художьство. Толк: хитрость деанием коего ремесла» (XVI, л. 189).

Составители азбуковников порой заканчивали свой труд назидательной концовкой, бывшей своеобразным художественным эпилогом, яркой мыслью, обращенной к читателю. Вот одна из них, сравнивающая качества человека со свойствами животных, указывающая на то, что все хорошо вóвремя и призывающая неученых учиться: «Всякому человеку добро быти храбру аки лву, а боязливу яко заицу, робливу аки овце, збойливу аки лисице, щедру аки куру, скупу аки псу, промышлену аки соколу, глупу аки сове, говорливу аки соловью, молчаливу аки выпу. Да все бы в подобно время, а всяка вещь своего времени требует и неучи — учися» (XII, л. 184 об.).

В пределах одной статьи невозможно дать сколько-нибудь значительное представление об азбуковниках, каждый список которых несет информацию самого разнообразного характера. Моя основная цель — обратить внимание на этот ценнейший источник. Не только лексикографы, но и представители многих наук, в том числе специалисты по истории философского знания, могут обрести в азбуковниках немало содержательного материала. Широкому же читателю они будут интересны своим энциклопедическим составом, сочетанием научности и образности, соединением полезности и эстетичности. Подлинное удовольствие доставляет перелистывать азбуковники, находя в них, как в словаре Даля, каждый раз новые крупицы знания, мудрости, красоты.

[1] См.: *Баталин Н. И.* Древнерусские азбуковники // Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 3. С. 11—34; Вып. 4. С. 35—68; *Карпов А.* Азбуковники,или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877/1878; *Пруссак А. В.* Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915; *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.

[2] См.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1965; *Она же.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975; *Она же* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977; *Она же.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей конца XVI—XVII вв.: Об историзме в критике источников // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 84—93;

Она же. Азбуковники среди других текстов древней лексикографии и проблемы их издания // Тр. Отд. древнерус. лит. 1981. Т. 36. С. 3—12. Далее: ТОДРЛ; Символика в азбуковниках // ТОДРЛ. 1985. Т. 38. С. 215—230; *Она же.* Рождение жемчуга: Знак и образ в приточном символе // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 260—266; и др.

[3] *Сахаров И.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 5: Словари русского языка. С. 135—191.

[4] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси... С. 268—312.

[5] Там же. С. 206—258.

[6] См.: *Буш В. В.* Памятники старинного русского воспитания: К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. С. 88—109; *Медынский Е. Н.* Азбуковники XVII в. как памятники русской педагогики // Акад. пед. наук РСФСР. Науч. сес. 1—4 июля 1946 г.: Тез. докл. М.; Л., 1946. С. 19—23.

[7] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси... С. 261.

[8] *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 46.

[9] *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 46—60.

[10] *Ley W.* Konrad Gesner: Leben und Werke. München, 1929.

[11] Mithridates de differentiis linguarum, tum veterum, tum quae hodie apud diversas nationes in toto urbe terrarum in usu sunt, observationes. Basileae, 1555.

[12] *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 55.

[13] См.: *Сухомлинов М. И.* О языкознании в древней России. СПб., 1854. С. 8.

[14] *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв' язках в російською та білоруською. Київ, 1980.

[15] *Зизаний Л.* Лексис, сиреч речения, вькратъце събранны и из словенскаго языка на просты рускый диялект истолкованы. Вильно, 1596; *Берында П.* Лексикон славенороссий и имен тлъкование. Киев, 1627.

[16] *Jankow J.* Leksykografia wschodnio-słowiańska do końca XVI w. Cz. I. Uwagi o «Azbukownikach» i «Rozmówkach» bizantyńsko-rosyjskich // Spraw. czyn. i pos. PAU. 1951. T. 52, N 2. S. 129—135; Leksykografia wschodnio-słowianska do końca XVII w. Cz. 2.2. Etymologie Maksyma Greka, Manuela Retora i innych autorow w slowniku imion P. Beryndy z 1627 r. // Ibid. N 6. S. 466—474.

[17] *Зизаний Лаврентий.* Указ. соч. С. 131.

[18] *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. 7. Aufl. Bern; München, 1969. S. 410—412.

[19] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси... С. 257.

[20] *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident: Contribution á l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. P.; Louvain, 1943. P. 170.

[21] *Haney J. V.* From Italy to Muscovy: The life and works of Maxim the Greek. München, 1973. P. 113.

[22] См.: *Громов М. Н.* Древнерусские азбуковники как памятники энциклопедической мысли // Памятники науки и техники, 1985. М., 1986. С. 177—186.

[23] См.: *Карпов А.* Указ. соч. С. 170.

[24] См.: *Дамаскин И.* Полное собрание творений. СПб., 1913. Т. 1.

[25] *Weiher E.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969. S. 18—24.

[26] См.: *Пейчев Б.* Кириловото определение на философията // Константин-Кирил Философ. София, 1969. С. 60—74; *Ševčenko J.* The definition of philosophy in the life of Saint Constantine // For Roman Jacobson: Essays on the ocassion of his 60th birthday. The Hague, 1956. P. 449—457.

[27] *Карпов А.* Указ. соч. С. 188—193.

[28] *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии: (Латинская патристика). М., 1979. С. 13.

[29] См.: *Карпов А.* Указ. соч. С. 218—228.

[30] *Lander G. B.* Medieval and modern understanding of simbolism: A comparison // Speculum. 1979. Vol. 54. N 2. P. 225.

[31] *Громов М. Н.* Систематизация эмпирических знаний в Древней Руси // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978. С. 29—47.

ИСТОЧНИКИ

I. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Соловец. 13/13. XVII в. 229 л. Далее: Рук. ГПБ.
II. Рук. ГПБ. Сол. 16/16. XVII в. 356 л.
III. Рук. ГПБ. Сол. 17/17. XVII в. 189 л.
IV. Рук. ГПБ. Сол. 18/18. XVII в. 652 л.
V. Рук. ГПБ. Сол. 20/20. Нач. XVIII в. 582 л.
VI. Рук. ГПБ. Сол. 21/21. XVII в. 119 л.
VII. Рук. ГПБ. Погодин. 1145. XVII в. 226 л.
VIII. Рук. ГПБ. Пог. 1655. 1673 г. 209 л.
IX. Рук. ГПБ. Q, XVI. 7. XVII в. 95 л.
X. Рукопись Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Румянц. I. XVII в. 276 л. Далее: Рук. ГБЛ.
XI. Рук. ГБЛ. Рум. 2. XVII в. 185 л.
XII. Рук. ГБЛ. Пискар. 197. XVII в. 185 л.
XIII. Рук. ГБЛ. Тихонрав. I. XVII в. 338 л.
XIV. Рук. ГБЛ. Тих. 338. XVII в. 334 л.
XV. Рук. ГБЛ. Тих. 445. XVII в. 124 л.
XVI. Рук. ГБЛ. Тих. 473. XVII в. 202 л.
XVII. Рук. ГБЛ. Ундольск. 972. XVII в. 231 л.
XVIII. Рук. ГБЛ. Унд. 978. XVII в. 117 л.
XIX. Рук. Государственного Исторического музея. Щукин. 151. XVII в. 319 л. Далее: Рук. ГИМ.
XX. Рук. ГИМ. Шук. 152. XVII в. 363 л.
XXI. Рук. ГИМ. Щук. 153. XVII в. 382 л.
XXII. Рук. ГИМ. Щук. 555. 1668 г. 308 л.
XXIII. Рук. ГИМ. Муз. 2653. XVII в. 134 л.
XXIV. Рук. ГИМ. Муз. 3173. XVII в. 177 л.
XXV. Рук. ГИМ. Вахрам. 420. XVII в. 46 л.
XXVI. Рукопись Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. № 250. XVII в. 226 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(I) ИМЕНА[1]

Павел — советник. Парфений — девственник. Пантелеймон — всемилостив. Пахомий — толстолечный. Пагкратий — всеми одолеваяй, или владеяй. Патрикий — отец общаго народнаго промышления. Платон — широк. Пафанаил — рождение. Петр — камень. Пимин — псалтырь. Порфирие — багрян. Поликарп — многоплоден. Прокопий — предятелен. Пров — искусен. Параскovия — пяток. Пелагия — пучина. Патрикия — болярыня земскаго приказу.

(XIII, л. 271—271 об.).

(II) ЕФУД[2]

Ефуд бе во евреех плат исткан златыми нитми и хитростно утворен. Образ его четвероуглен и мерою единыя пяди. И посреде имяше аки звезду всю злату и обоюду два змарагда. Имущи по шести оба полы написание, имущи дву на десять племен Израилев.

Между же двемя змарагдами камень адамант. Да егда убо хотяше святитель вопрошати Бога о коей любо речи, привязовавше его на рамницеи посреде персей и подлагаше руце под него. И распростирашеся на дланию аки доска изрядна Ефуд, и вопрошаше Бога о вопросе. И яще будяше угоден Богу вопрос, то абие воссиявше адамант и светом блещашеся. Аще ли не беяше годно, пребываше во своем чину камык. Аще ли хотяше Бог на мечь предати люди, бываше кровав. Аще ли смерть наити хотяше, черн бываше.

(XXVI, л. 53 об. — 54.)

(III) ПСАЛТЫРЬ [3]

Псалтырь. Толк: Во евреех бе сосуд гудебный, на нем же десять струн. В него же играху, песни припевающе. Последи же царь Давид состави книгу и нарече имя ей Псалтырь, понеже книга та содержит в себе песни, возсылаемыя Господу Богу. По гречески бо Псалтырь, а по руски Песневец. Псалтырь есть тело человеческо, на нем же десять струн, то есть десять чювств, пять телесных и пять душевных. О сем глаголет во Псалтыри десятоструннем: Пойте Ему и прочее.

(XXIII, л. 55—55 об.).

(IV) СТРАСТИ [4]

Страсти глаголются по многим мерам: похоти и муки, и недуги люте, и лукавствования немощь, и беды.

(XXVI, л. 182 об.).

(V) АФИНА-ПАЛЛАДА [5]

Афиниа — жонка была во еллинех философица, ея же еллини богинею почитаху, того ради создавъше, нарекоша ея Афиниа. Толкует же Афиниа — почтенна.

(XIII, л. 45)

(VI) СТОИКИ [6]

Стоики (елли) — философы. Во Афинех комара, рекше притвор, именуема стоя, яже и паки тии нарицашеся, и та беяше училище философии пресловуто, и вси учащиися в нем, нарицахуся стоики философи.

(XIII, л. 290 об. — 291)

(VII) ДУХОВНЫЙ, ДУШЕВНЫЙ И ПЛОТСКИЙ ЧЕЛОВЕК [7]

Вопрос: Что есть духовен и что душевен человек и что плотян?

Ответ: Управления жития человеча на три устроения делится. Ов бо живет духовно, желая по Бозе и обиду и досаду и всяку напасть со благодарением претерпети, и моляху за творящих ему напасти и ненавидящих его, и вместо зла тщася добрая им воздати, то есть духовен, то есть преподоб.

Душевен же есть, иже никого же обидит, и сам во обиде быти

не хощет, по реченному Господем: вся елика хощете да творят вам человецы, вы творите им тако же. Се есть праведен.

Плотско, иже желает обидити и чюжая похищати, и нимало даяся в обиду.

(XIII, л. 122 об.).

(VIII) ВИДИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ МИР[8]

Видимый мир и невидимый. Толк: Видимый мир глаголется человек. Невидимый мир — ангелы. Не точию же ангелы невидимый мир наричется, но и человецы, понеже бо сугуб есть человек, от душа бо и тела сложен. Зане плот(ь) человека видима и того ради человек наричется видимый мир. Душа же заневидима, и того ради глаголется невидимый мир. И сея ради вины и человек может нарещися видимый мир и невидимый.

(XV, л. 42).

(IX) «ПАРЕНЕСИС» ЕФРЕМА СИРИНА

Паренесис наричется книга, содержащия в себе словеса пророческая, и учения, и притчи, и моления[9]. Ибо та книга святаго Ефрема Сирина, вся бо предреченная в ней сокровена суть, яко во общей душевной врачебнице.

(XII, л. 121 об.).

(X) ХРИСТОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ВТОРОЗАКОНИЯ МОИСЕЕВА

«Яко орел поучая к летанию птенца своя и над ними полетая»[10].

Толк: Глаголют естествении философи. Орлу птенца своя противу солнца полагати и коего узрит зрение в луча солнечныя крепко утвердити, того питает, а коего изнемогающа видит — оставит. Тако и Господь учит нас всегда ока разумение солнцу Божественныя славы внимати, иже и над нами полетая, призываем птенцов к летанию. Тако и божественное благоутробие хощет нас преспевати от силы в силу.

«Прострел криле своя, и прият й, и понесе не рамех своих».

Толк: Простре криле, иже яко орел Бог, сиречь добре желающих с собою возвышает, зане иде же мы не довлеем, Божественныя надеемся помощи. Той бо носит нас яко орел, глаголется, носити птенца своя на рамех. Да аще стрелится на них, и он, прежде уразумеет птенцы, измет стрелы. Тако же Христос за нас уязвен есть и рамены своего защищения нас защит.

(XVIII, л. 81—81 об.).

[1] Толкование имен позволяло осмыслять лексемы общекультурного и теоретического мышления типа πάν — весь, все; patria — отечество; πόλυ — много и т. д.

[2] Ефуд — риза первосвященника Иерусалимского храма с двенадцатью камнями по числу колен Израилевых, надеваемая при богослужении. Использовалась и как средство общения с Богом, когда надо было получить ответ на какой-нибудь

важный вопрос. При положительном ответе алмаз, помещенный в центре, сверкал ярким светом. Если Бог отвергал вопрос, камень оставался неизменен. При военной опасности алмаз становился кровав, при смертельной — чернел.

[3] Дается историческое и символическое толкование древнееврейского музыкального инструмента, ветхозветной книги и человека, который, как вибрирующий псалтырь, должен возносить в псалмах хвалу Творцу, его создавшему.

[4] Объясняется полисемантизм термина «страсти» в славянском языке.

[5] Афина Паллада — богиня мудрости, покровительница Афин, связывается с философией через занятный термин «философица».

[6] Вполне корректное объяснение происхождения термина «стоики» от греческого στά — портик, колоннада.

[7] Проводится различение людей по типу поведения: преподобный — тот, кто всем за зло воздает добром; праведный — отвечает людям той же мерой; плотский — готов ради корысти всем приносить зло, но по отношению к себе не терпит ни малейшей обиды.

[8] Под невидимым миром подразумеваются ангелы. Человек же двояк: как телесное существо — видим, как духовное — не видим.

[9] Указывается на врачующий душу характер одной из популярных книг средневековья.

[10] Символически истолковывается образ орла в Ветхом Завете. Орел в первом эпизоде испытывает птенца, после чего крепкого питает, а слабого оставляет. Господь призывает «быть крепкими духом и постоянно усиливаться». Во втором — истолковывается поведение орла, носящего на своих крыльях птенца и первым принимающим пущенные стрелы, так и Христос за людей пострадал, в защитил их собою от зла мира.

РАННЯЯ ЛОГИКА И ДИАЛЕКТИКА ГЕГЕЛЯ ОТРЫВОК ИЗ ВНОВЬ НАЙДЕННОЙ ЗАПИСИ ЛЕКЦИИ ГЕГЕЛЯ 1801/02 г. С ВВЕДЕНИЕМ И ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ПРОФЕССОРА К. ДЮЗИНГА (ФРГ) *

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Спекулятивная логика Гегеля и его теория диалектического мышления возникли не только благодаря «революционному преобразованию» традиционной формальной и кантовской трансцендентальной логики, а также соответствующих им теорий мышления. Скорее можно утверждать, что в мыслительном развитии Гегеля сначала имели место три основополагающих порыва, которые

* Видный западногерманский историк философии профессор Клаус Дюзинг (K. Düsing) родился 3.9.1940; учился в университетах Кёльна и Цюриха. Окончил Кёльнский университет по специальности «философия». В 1975 г. в Бохумском университете защитил диссертацию. Работал в Архиве Гегеля в Бохуме (1967—1977), был профессором философского семинара в Бохумском университете (1977—1980), профессором университета в Зигене (1980—1983). С 1983 г. по настоящее время является профессором и директором Философского семинара и Гуссерлевского архива при Кёльнском университете.

Основные произведения К. Дюзинга:

Die Theologie in Kants Weltbegriff. 2. erweitrete Auflage. Kant-Studien. Ergan-